

В.Н. Дялин

***По святым
местам***

встречи и судьбы

Валерий Лялин
По святым местам

Православное издательство "Сатись"

2005

Лялин В. Н.

По святым местам / В. Н. Лялин — Православное издательство
"Сатись", 2005

ISBN 5-7868-0088-9

Когда жить предельно тяжело, остается надежда на Бога, и Он не оставляет
надеющихся на Него.

ISBN 5-7868-0088-9

© Лялин В. Н., 2005
© Православное издательство
"Сатись", 2005

Содержание

По святым местам	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валерий Лялин По святым местам

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского
ВЛАДИМИРА*

По святым местам

Келья моего духовного отца, инока Харалампия, стояла прямо на древнем грузинском кладбище, среди погрузившихся наполовину в землю, обомшелых каменных надгробий с вязью грузинских письмен и старой христианской символикой. Старец Харалампий называл себя слугой святой равноапостольной Нины, просветительницы Иверии, чьи святые мощи покоились под спудом в древнем, IV века, храме св. великомученика Георгия Победоносца, буквально ста шагах от его кельи.

О, каким был древним этот храм постройки четвертого века от воплощения Бога Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Его толстостенные, из древней плоской плинфы стены видели и свирепые полчища гуннов, и пахнущих конским потом и бараньим салом узкоглазых конников Золотой Орды, и лютых персидских огнепоклонников, и злых хищных чеченов, и кровавых турецких янычаров. Все они огнем и мечом прошли через благословенные Иверские земли, текущие млеком, медом и вином.

Его толстые стены зимой хранили летнее тепло, а летом благодатную прохладу. В храме стояла какая-то необыкновенная, удивительная, я бы даже сказал – мистическая тишина. Шаги, кажется такого же древнего, как храм, священника о. Мелхиседека Хелидзе, тихо идущего по коврам, были беззвучны и легки. Все великолепие храма сейчас стыло и молчало без службы и народа.

Но вот в храм пришел местный крестьянин в черной кахетинской шапочке, с бронзовым от палящего солнца лицом. Остановившись в притворе, он снял свою шапочку, обнажив седую, коротко стриженную голову и, воздев руки к иконе Иверской Божией Матери, сотворил краткую благодарственную молитву. Из-за колонны тихо, как бы бесплотно, к нему подошел о. Мелхиседеки благословил его. Кахетинец поклонился ему и, достав из сумки, протянул синюю кастрюльку. Отец Мелхиседек поднял крышку и наклонился. Я почувствовал благоухание горячего чахохбили – великолепного грузинского кушанья из курицы. Оно было одобрено и унесено в трапезную. Позже, в трапезной, отдавая должную дань чахохбили и запивая его белым кахетинским вином, мы сидели вместе с о. Мелхиседеком, и он с грустью рассказывал мне:

– Много веков, не щадя своей жизни, грузинский народ отстаивал православную веру, сражался с татарами, персами, турками, чеченами, проливая свою и вражескую кровь. Вера, Церковь, Родина – вот главные сокровища, которые были у нашего народа. Мы этим были живы. Матери руку младенца складывали для крестного знамения, псалом был их колыбельной. Уста наших женщин шептали молитву, когда они творили тесто для хлеба. На наших одеждах были вытканы кресты. Вся наша жизнь от колыбели до могилы была освящена православ-

ной верой, и сладкие имена Христа, Божией Матери и Святого Георгия всегда были в наших сердцах. Не то теперь. Злые наступили времена. Коммунисты вытравливают из народа веру. У наших людей появился древний идол – это деньги, богатство. Все стараются наживаться, копить, строить роскошные дома, покупать дорогие вещи, машины. В старину, когда грузины жили бедно, когда они ютились в простых саклях и даже в землянках, когда питались скудно и носили простую, домашней работы, одежду, вера была сильна и честь берегли смолоду. А после этой войны, когда грузины стали богатеть, вера стала хиреть, слабеть и угасать. И почему это?! А потому, что подобно древним евреям наш народ стал поклоняться не истинному Богу, а мамоне. И я много плачу и скорблю о нашем народе, чтобы его не постигли за это отступление от Бога страшные бедствия и казни, какие свершились над еврейским народом.

Посмотри, генацвале, как мало теперь ходит в храм людей. Коммунисты закрыли наш храм в тридцатые годы. Видишь, из окна видны корпуса? Это все монашеские кельи. Здесь до революции был женский монастырь. Много в нем обитало монахинь. На освящение новой монастырской церкви приезжала сама вдовствующая Императрица. Я ее встречал и говорил по-русски. Здесь по-русски почти никто из грузин не знает. А ведь я окончил Духовную Академию в Петербурге, так с тех пор и служу здесь. Да, по первому разряду окончил, кандидатом богословских наук. Вот и знак есть.

Действительно, у о. Мелхиседека к наперсному кресту на малой цепочке был пристегнут серебряный академический знак.

– Так вот. Монастырь в одночасье закрыли, монахинь, конечно, разогнали и в корпусах устроили районную больницу. Церковь внутри разорять не стали, так как это национальная и историческая святыня, но поскольку в больнице не хватало столов, завхоз приказал из церкви взять большую чудотворную икону Иверской Божией Матери, прибить к ней ножки и сделать стол. Сыновья завхоза, двое взрослых балбесов-комсомольцев, поначалу вдоволь поиздевались над святым образом: ковыряли ножом глаза, полосовали икону вдоль и поперек. Вначале этот стол поставили в перевязочную, но сюда целый день ходили монахи, плакали и просили выставить стол в коридор. Главный врач смилостивился. Икону вынесли из перевязочной в больничный коридор. И после целый день можно было видеть, как шли друг за дружкой монастырские сестры, залезали под стол и молились Матушке Царице Небесной Иверской. И так продолжалось многие годы.

Уже после войны, когда гонение на Церковь ослабло, я ходил по селам и городам, собирая подписи у народа на открытие храма. Собрал десять тысяч подписей. Разрешение давала Москва. Много раз мы ездили с монахиней матушкой Анжелиной к чиновникам в Москву, возили большой магарыч. Растратились дотла. Я продал все, что можно было продать, кроме своего дома. Матушка Ангелина продала кормилицу корову и еще что-то.

Наконец, получили разрешение на открытие церкви. Забрали из больницы этот стол. Завхоз спорить не стал и отпустил, но это не тот завхоз, а уже новый. А тот умер от гангрены ног. Вначале одну ногу ему отрезали, затем другую. Когда лежал в больнице, часто из палаты подползал к этому столу и молился, плакал, просил прощения, но все же умер.

А сыновья его, которые изрезали икону ножом, на похоронах напились и, пьяные, с машиной сверзились в пропасть, сгорели вместе с машиной, так что и хоронить-то нечего было.

А икона Иверской Божией Матери действительно была потрясающей по своей благодатности и красоте. Чудесней этого списка Иверской я нигде не видел. Когда в храме зажигали электрический свет, смотреть на икону без слез было невозможно, так она была страшно обезображена нечестивой рукой безбожников. Но когда перед иконой горели восковые свечи, она чудесно преображалась. Все дефекты оптически исчезали, и от нее нельзя было глаз отвести. Воистину, райских дверей отверзение! Это была такая неземная красота, красота, проникающая до глубины души и вызывающая в ней какой-то особый трепет. Мой духовный отец, сми-

ренный инок и древодел Харалампий, как только входил в храм, протягивал к ней руки, светлел ликом и пел, никого не замечая: «Царице моя преблагая, надеждо моя, Богородице».

А храм был – удивительный. От самого пола стены, весь купол и потолок были расписаны яркими красочными фресками. Здесь был Ветхий и Новый Завет и еще какие-то сюжеты, мною никогда не виданные. Например, сюжет, называемый «Оклеветание», где перед связанным Христом стояли иудеи-лжесвидетели с хартиями в руках и читали их. Или большая белая птица пеликан, оранжевым клювом разрывающая себе грудь и струйкой алой крови напояющая своих птенцов.

Храм был освящен во имя святого великомученика Георгия Победоносца – двоюродного брата св. равноапостольной Нины.

Ах, Нина, золотая Нинушка! Это была самая древняя святая на всей территории СССР. Да что там СССР! Только Рим да Иерусалим могли соперничать по древности своих святых с этим крохотным селением Бодби около городка Сигнахи, как орлиное гнездо вознесенным на скалы.

Св. равноапостольная Нина родилась в Кападокии. Это бывшая Восточная Римская империя – Византия, теперь территория Турции. Ее отец, Завулон, был родственником св. Георгия, мать Сусанна – сестрой Иерусалимского Патриарха. Отец подвизался в пустыне Иорданской, мать стала диаконисой при храме Гроба Господня. С детства Нину воспитывала старлица грузинка, рассказывавшая, что Грузия еще не просвещена светом Христовым. Святая Нина как-то близко к сердцу приняла рассказы своей няньки и стала молиться Божией Матери, да сподобит ее увидеть Грузию обращенной ко Господу. Молитва святой Нины была услышана, и Пречистая Дева явилась Нине и вручила ей крест, сплетенный из виноградной лозы со словами: «Возьми этот крест, да будет тебе щитом и оградою против всех видимых и невидимых врагов. Иди в страну Иверскую (Грузию), благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа и обрящешь у Него благодать. Я же буду тебе Покровительницей». Это крест сохранился до наших времен в Тбилисском кафедральном соборе «Сиони», и его каждый может видеть на спасение души.

Святая Нина пришла в Грузию в 319 году и с Божией помощью множество язычников обратила в христианство. И сам царь грузинский, и его семья крестились во Христа, и православная вера распространилась во все пределы Иверии. Исполнив меру дел своих, святая Нина с миром отошла ко Господу в 335 году и погребена в храме селения Бодби.

Все это сказано вкратце, на самом деле на пути в Грузию из Иерусалима, да и в самой Грузии, св. Нина претерпела много скорбей и мучений и не раз была близка к гибели от диких и злобных кавказских язычников.

Усыпальница св. Нины – в правом церковном приделе, в небольшом узком помещении. На каменных плитах пола покоится высокое, примерно до пояса, резное надгробие из белого итальянского мрамора. На стене в изголовье – икона Божией Матери «Знамение», по преданию подаренная храму святой новомученицей Елизаветой Федоровной (сестрой последней императрицы). В одном месте надгробья – большая щель, через которую можно разглядеть на каменном полу древнее мозаичное изображение св. Нины, все изрубленное ятаганами и исколотое копьями еще в средние века турецкими янычарами. Сверху на надгробье, под толстым богемской работы хрустальным стеклом – великолепно написанный образ св. Нины во Успении в конце XIX века приехавшим сюда из Петербурга знаменитым академиком живописи. Св. Нина изображена как бы спящей, голова покоится на малой, белого атласа подушечке, вокруг нежное золотистое сияние. Лик спокойный, уже неземной, веки с длинными темными ресницами опущены, на святых устах кроткая улыбка. Сама в голубом, с белой оторочкой, хитоне, нежная рука с тонкими прозрачными перстами прижимает к сердцу святое Евангелие. Из-под хитона виднеются туфельки из кремовой парчи.

Невозможно описать то чувство, когда я первый раз вошел в усыпальницу. Во-первых, необыкновенный тонкий аромат, какая-то глубокая тишина, не простая, а именно такая, какая присутствует во святых, Богом хранимых местах. Сладкая, тихая радость охватила душу, нежная рука сжала сердце. Я упал на ковер к подножию надгробья и плакал, плакал радостным покаянным плачем. Ах, Нина, Нинушка, что ты делаешь с нашим сердцем! Какая сила исходит от тебя, лежащей там, внизу, на каменном ложе без малого тысячу семьсот лет!

Отец Мелхиседек рассказывал, что жадные турецкие янычары, полагая, что в подземелье храма можно поживиться спрятанными сокровищами, начали подкапывать фундамент церкви, и когда пробили дыру в подземелье, то оттуда внезапно пыхнул язык синего пламени и ослепил нечестивцев. Сардар-паша (их начальник) приказал заделать отверстие и больше не подходить к церкви, чтобы не навлечь гнев Аллаха, а слепых янычаров приказал сбросить со скалы в пропасть.

При мне в храм, в сопровождении родственников, привели молодую грузинку, страдающую сильными головными болями. В усыпальнице были паломники, и больная, дожидаясь своей очереди, в изнеможении встала у стены перед входом в усыпальницу и прислонилась головой к иконе Божией Матери. Вдруг я услышал легкий вскрик. Женщина стояла прямо и обеими ладонями сжимала голову. Потом она стала радостно плакать и быстро-быстро говорить по-грузински, целуя икону. Отец Мелхиседек, подошедши, перевел мне, что женщина исцелилась от боли. Действительно, она впоследствии приходила в храм совершенно здоровой.

Расскажу еще один чудесный случай помощи в исполнении желания от Божией Матери и святой Нины, в коем по воле Божией пришлось участвовать и мне. В Князь-Владимирском соборе Петербурга, что находится на Петроградской стороне, однажды, в семидесятых годах, на Пасху – Святое Христово Воскресение – высокая, стройная, вся в черном, как монахиня, молодая девушка пожаловала мне освященное яичко. Я сидел в углу у печки с костылями в руках, и она, вероятно, приняла меня за убогого нищего. Я принял подарок, поблагодарил ее, поздравил с Великим Праздником, и мы познакомились. Я уже был далеко не молод и в Православии довольно давно, но степень духовного совершенства, глубина веры, богатство знания Священного Писания и отцов Церкви поразили меня в этой девушке. И мне, старому, было чему поучиться у нее и особенно стойкости в вере и верности догматам Православия. Вообще, она была необыкновенно одаренной. Ей легко давались языки: церковно-славянский, греческий, древнееврейский, а английский она знала великолепно. Языки она изучала для того, чтобы в подлиннике читать Ветхий и Новый Завет. Она имела редкий апостольский дар различения духов, видела в темноте и слышала через стены. Ее звали Катя. Эта Екатерина-премудрая постоянно постилась, чтобы быть готовой всегда принять Причастие на случай смерти, и сколько я ее знал, Катя всегда была в глубоком покаянном настроении. Ее духовный отец архимандрит Кирилл Начис, к которому она каждый месяц ездила в Мариенбург в Покровскую церковь, почему-то считал Катю юродивой и велел ей сидеть дома и клеить коробочки. Дома она не сидела, но из послушания по ночам коробочки клеила, и когда она покинула наш город, в комнате ее в углу осталась целая гора этих коробочек. Как она жила раньше – не знаю, но лицо ее светилось как-то изнутри, весь ее облик был иконный – одухотворенный лик и прекрасные кисти рук с длинными ровными пальцами. Она беззаветно любила Божию Матерь, собирала все Ее иконы, и сама, украшаясь этой любовью, становилась похожей на Нее. С утра до вечера она обитала в Князь-Владимирском соборе. Себе на хлеб она зарабатывала тем, что брала на дом английские технические переводы. Часто в ночь она выходила из дома и искала на улицах молодых, пьяных, подгулявших девиц. Приводила их к себе, отмывала в ванной, протрезвляла крепким кофе и затем наставляла в Законе Божиим, читала им святое Евангелие и вела их к покаянию. Катины одежные шкафы были пусты. Свою одежду она раздала нищим, а сама и летом, и зимой ходила в темных легких одеждах.

В то далекое, еще спокойное время почти каждое лето я уезжал в Грузию к абхазским старцам-пустынникам и в Кахетию к цельбоносным мощам святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии.

В один из моих отъездов Катя дала мне письмо к святой Нине. Вручая письмо, она сказала, что я могу прочитать его. Письмо было удивительное и содержало просьбу ко святой Нине, чтобы она умолила Божию Матерь помочь ей – Кате – оказаться на Святой Земле во Иерусалиме. Идея по тем временам фантастическая и неосуществимая – так как железный занавес отделял Россию от внешнего мира. Но велика была вера у Катерины-премудрой, и было Кате по вере ее. Еще в письме, по своему смирению, она просила Божию Матерь, чтобы ей, самой последней из людей, войти в Царствие Небесное. Что я на это мог тогда сказать Кате?

Я посмотрел в ее чистые кроткие глаза и ничего не сказал. Ей, вероятно, было виднее.

Когда я приехал в Грузию, все кругом цвело, благоухало, на все лады распевали птицы, а по ночам на полянах в траве и в лесу светились зеленоватым мерцающим светом тысячи светлячков. Из Сигнахи, пешком, по горной дороге, мимо гигантских платанов и темно-зеленых кипарисов я спустился ко храму св. великомученика Георгия. В храме после всенощной было пусто, пахло свечами и ладаном, и монахиня, матушка Ангелина доканчивала свои дела у свечного ящика. Я прошел в усыпальницу св. Нины и, помолившись, опустил в щель мраморного надгробья Катино письмо. Оно упало прямо на скрещенные на груди руки святой Нины, ее древнего мозаичного изображения. Я вышел из храма вместе с монахиней, и она большим старинным ключом заперла церковные двери. Утром рано я попросил матушку Ангелину пораньше открыть храм. Она открыла и встала на своем обычном месте у свечного ящика. Со страхом Божиим я вошел в настоящую ночной тишиной усыпальницу св. Нины. Заглянул в щель надгробья в надежде увидеть письмо, но его там не было. Я не ожидал этого и от испуга похолодел. Что это? Чудо, или мне все это приснилось? Но письма не было. Произошло то, что средневековые мистики-схоласты называли «аннигиляция», то есть полное исчезновение материального предмета без видимых материальных воздействий на него. Непонятный трепет охватил меня. Я знал, что велика у Бога святая Нина, но такого я не ожидал. Отца Мелхиседека уже не было в живых, и я решил молча хранить эту тайну. Я вышел из храма, сел на траву, стал вспоминать все необыкновенные происшествя, какие случались здесь со мной. Так, в один из первых приездов, ночью, меня охватил безумный страх, и я позорно бежал отсюда. Нечто подобное произошло с одним моим знакомым петербургским иеромонахом. У него вообще было какое-то умопомрачение. Вначале ночью у него схватило живот, и он раз десять бегал в нужное место. Затем стал нарастать панический ужас. Бросив в комнате все свои вещи, он на рассвете помчался на автостанцию и сидел там до автобуса, дрожа от холода и страха. Старец Харлампий сказал, что такие случаи здесь часты с теми, кто по греховности своей не угоден святой Нине.

Было со мной здесь нечто странное, когда я не мог уехать из Бодби. Попрощавшись со старцем Харлампием, рано утром я выходил на дорогу и шел к автостанции в сторону Сигнахи, но вдруг меня останавливал какой-то невидимый упругий барьер, который я не мог преодолеть. Я возвращался назад в Бодби к иноку Харлампью, который говорил мне: «Значит, ты еще недомолился. Святая Нина еще не отпускает тебя. Иди и читай у гробницы ей и Божией Матери акафисты». И так было до трех раз, пока я был отпущен.

Катя после этого случая с письмом тоже ездила к святой Нине и после говорила мне, что там так хорошо, так уютно, что можно там прожить всю свою жизнь.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Катя уехала из России. Все обстоятельства ее жизни интересны, все складывалось так складно и удачно, что Катя смогла уехать. Вначале она жила при монастыре в горах Калифорнии, где подвизался иеромонах Серафим Роуз, потом через несколько лет уехала на Святую Землю в православный Горненский монастырь. На монастырь тогда были частые нападения врагов Христовых: то гранату через ограду бросили, то злодей-

ски зарезали двух монахинь. Катя тогда тоже пострадала. Ее столкнули с высокой и крутой каменной лестницы, и она получила множественные травмы, после чего три месяца пролежала в больнице. После выписки из больницы она перешла, по благословению, в юрисдикцию Иерусалимского Патриарха, приняла постриг с именем Иоанны и обосновалась в монастыре, что на Сорокадневной горе около Иерихона. Эта гора называется еще горой Испытания, где сатана испытал Господа нашего Иисуса Христа. Монастырь очень древний, пещерный и принадлежит Греческой Церкви. Сейчас Катя уже не Катя, а игуменья мать Иоанна. Летом там страшное пекло, солнце раскаляет камни так, что до них не дотронуться, появляются тучи moskitov, кругом унылая голая пустыня, окруженная такими же унылыми голыми меловыми горами. Зимой свищут холодные ветры и поливают дожди. Монастырь расположен высоко, наполовину горы, и за водой надо спускаться вниз.

Вот так и живет там профессорская дочка – Екатерина-премудрая. Здесь, в Питере, она все болела, чахла, мучилась и физически, и нравственно. Но там, в этой губительной пустыне, ее просто не узнать. Это стала крепкая духом и телом, энергичная и очень деятельная игуменья. О своих болезнях она просто забыла, и благодать Господня почилла на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.